

УДК 94.47

Оськин М.В.¹**47-Й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС В ДОБРУДЖАНСКОМ ПОХОДЕ 1916 ГОДА:
РУССКИЕ И СЕРБЫ ПРОТИВ БОЛГАР²**

Международная полицейская академия ВПА, г. Тула

Os`kin M.V.

**47-TH ARMY CORPS IN THE DOBRUDZHA CAMPAIGN OF 1916:
RUSSIANS AND SERBS AGAINST BULGARIANS**

WPA International Police Academy, Tula

Аннотация: В период Первой мировой войны 1914–1918 гг. союз братских славянских государств – России и Сербии, – прошел испытание военным временем. Россия и Сербия взаимодействовали в военно-оперативном отношении, согласуя свои атаки, особенно в первый год войны, оказывали друг другу различную поддержку и взаимопомощь. В частности, Россия внесла существенный вклад в гуманитарную, военную, санитарную, продовольственную и прочую помощь Сербии. Непосредственным братством в бою стали Добруджанский поход и Салоникский фронт. В Добрудже русские и сербы, защищая Румынию с юга от болгар и германцев, вместе испытали успехи побед и горечь неудач.

Ключевые слова: Сербская дивизия, Добруджа, 47-й армейский корпус, генерал Зайончковский, полковник Хаджич, Дунайская армия.

Abstract: During the First World War of 1914-1918, the union of fraternal Slavic states – Russia and Serbia – passed the test of wartime. Russia and Serbia cooperated militarily and operationally, coordinating their attacks, especially in the first year of the war, and providing each other with various forms of support and mutual assistance. In particular, Russia has made a significant contribution to humanitarian, military, sanitary, food, etc. assistance to Serbia. The direct brotherhood in battle was the Dobrudzha campaign and the Thessaloniki front. In Dobrudja, Russians and Serbs, defending Romania from the south, experienced together the successes of victories and the bitterness of failures.

¹ Оськин Максим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин Международной полицейской академии ВПА

² Материалы Международной научно-практической конференции «Русско-сербские отношения в контексте формирования многополярного миропорядка: опыт и перспективы». ТулГУ 11 апреля 2025 года. Конференция организована на средства гранта Правительства Тульской области в сфере науки и техники. Постановление Правительства Тульской области от 23.12.2024 № 699 «Об итогах конкурса грантов Правительства Тульской области в сфере науки и техники 2024 года». Договор на выполнение работы ДС/171 от 28 декабря 2024 г.

Keywords: Serbian Division, Dobrudja, 47th Army Corps, General Zajonchkovsky, Colonel Hadzic, Danube Army.

Участие Российской империи и Сербского королевства в Первой мировой войне 1914–1918 гг. характеризовалось координацией совместных действий, оказанием различной военной и гуманитарной помощи, братством по оружию в операциях на разных фронтах войны. В связи с тем, что Россия и Сербия не имели общей границы, и их разделял враг – Австро-Венгерская монархия, Антанта поддерживала Сербию через нейтральные страны – в частности, русские караваны грузовых судов шли по Дунаю от гирла к Белграду. Эта помощь являлась фактором выживания героической страны и ее армии – в декабре 1914 г. русский доброволец писал из Сербии: «невзирая на отчаянную храбрость “стальных и храбрых сербов”, в конце концов Сербии не миновать судьбы Бельгии, если Россия или Франция вовремя не окажут помощи, прислав 100–200 тысяч солдат... Мы отступаем перед многочисленным неприятелем (на каждого серба приходится по четыре австрийца), но не сдаемся. Если русские еще раз оставят Карпаты и уйдут из Венгрии, то Сербия погибла» (ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 339. Л. 179).

Русская Карпатская наступательная операция зимы 1915 г. в числе разнообразных причин ее проведения имела и причину союзническую – помощь братской Сербии. Однако, русский натиск не увенчался успехом, а в апреле противник перенес основной удар на Восточный (Русский) фронт, и русская армия стала отступать на восток. В этот момент использование Румынии в качестве транзитного коридора теряло смысл, а вступать в войну, невзирая на давление Антанты, Румыния не торопилась – еще в 1914 г. в России с фронта писали: «с Румынии надо добиться немедленного выступления с тем, чтобы успеть спасти геройскую Сербию. Вот молодцы – третья победоносная война! Но она начинает изнемогать, потеряв чуть ли не две трети своих офицеров» (ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 339. Л. 74). Но преждевременное выступление, не поддержанное союзниками, угрожало Румынии судьбой захваченных врагом Бельгии или Сербии.

Румыния решила на выступление лишь в середине 1916 г., под влиянием Брусиловского прорыва на Восточном фронте, когда Сербия и Черногория были уже разгромлены и оккупированы. Румынское командование предполагало вторжение в венгерскую Трансильванию, в то время как ее южный фланг со стороны Болгарии, являвшейся союзником Центральных держав, должен был обеспечиваться русскими. Для борьбы с Болгарией предназначался «Особый» 47-й армейский корпус А. М. Зайончковского, созданный специально для действий в Румынии – из тех резервных

соединений, что еще не были задействованы в сражениях кампании 1916г. Командир 30-го армейского корпуса генерал Зайончковский (русский советский военный историк и теоретик, активный участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн), самым наилучшим образом проявил себя в кампаниях 1915 и 1916гг. Совершенно неверно, что действия Зайончковского в предыдущих сражениях «показали отсутствие инициативы и предпочтение отступления» (6, р. 282); напротив – он был рекомендован на этот пост главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта А. А. Брусиловым как один из лучших корпусных командиров фронта.

Именно в Румынии состоялось боевое взаимодействие русских и сербских подразделений – в составе выделяемого для действий в Румынии 47-го армейского корпуса находились: русская 61-я пехотная дивизия П. Н. Симанского; сербская добровольческая дивизия полковника С. Хаджича из бывших австрийских военнопленных – южных славян; 3-я кавалерийская дивизия Е. А. Леонтовича; 61-я и 64-я артиллерийские бригады; Черноморский конный полк князя А. С. Эрстова; 56-й саперный батальон; 36-й авиационный отряд (с середины сентября). Первоначально в корпус должна была войти и 64-я пехотная дивизия, но от нее прибыла лишь артиллерийская бригада, переданная сербам. Как отметил в приказе сам Зайончковский – «64-я пехотная дивизия временно находится в командировке» (РГВИА. Ф. 2270. Оп. 1. Д. 62. Л. 1), в какой-то она так и осталась.

В целом, 47-й армейский корпус, общей численностью в 44,6 тыс. чел., был создан наспех, из резервных частей. Как видно из перечисления, ½ пехоты – это второочередная дивизия, а другая ½ состояла из бывших военнопленных, несколько «разбавленных» российскими подданными югославского происхождения. Формирование югославянской дивизии проходило в тылах Юго-Западного фронта. В рапорте в Ставку Верховного командования от 19 мая 1916 г. начальник штаба Юго-Западного фронта В. Н. Клембовский сообщал, что качество формируемой в Одессе Сербской дивизии сравнительно высокое – «два полка признаются вполне надежными, третий полк обещает быть также вполне достойным доверия. И только четвертый полк еще не определился в отношении своей боеспособности и нравственного духа» (Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 года. Сборник документов империалистической войны. М., 1940. С. 63). Некоторые сербские подразделения еще до начала их сосредоточения в Добруджу несли охранную службу в маяках и на побережье Черного моря в пределах Одесского военного округа (их сменила 145-я ополченская дружина) (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 59).

Зайончковский являлся противником посылки в Румынию югославян, считая, что «известная дикость нравов сербов, взаимная с болгарями их ненависть, и та жестокость,

которую они будут проявлять под русским флагом, совершенно не на руку нашим интересам» (Красный архив. М., 1933. Т. 3 (58). С. 27). Однако, к этому времени Начальник штаба Верховного главнокомандующего (Верховным являлся сам император Николай II) и фактический глава русской стратегии М. В. Алексеев отказался от мысли дипломатических усилий в отношении Болгарии. А для силовых методов – военного противостояния – сербы подходили как нельзя лучше. Русские считали, что эта дивизия вполне подходит для борьбы на Балканах, а заодно, решалась проблема с теми военнопленными славянами, что согласились сражаться на стороне Антанты.

Действительно, характер сражений в Добрудже усиливался присутствием Сербской дивизии как таковой – в боях армии югославянских народов принципиально не брали пленными: ни сербы – болгар, ни болгары – сербов. Особенно это проявилось в боях на Копадинских позициях 4–7 сентября, когда сам Зайончковский подтверждает, что пленных не было (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 516. Л. 24). Разумеется, такой подход постепенно стал распространяться и на русских: болгары, которые первоначально не особенно желали стрелять в русских, вскоре упорно дрались и с русскими войсками. В итоге, «бои в Добрудже получили характер войны на уничтожение; взаимная ненависть и жестокость противников нарастали спиралевидно»; «именно русские и болгары вынесли на себе основную тяжесть добруджанских боев и понесли в них наибольшие кровавые потери» (4, с. 139, 167–168). Русская военная пресса сообщала о действиях Сербской дивизии в Румынии: сербы горят желанием посчитаться с болгарами и отомстить им – «боязнь русской и сербской мести очень велика среди болгар», ввиду чего они неохотно вступают в штыковые бои (Армейский вестник. 1916. № 323. С. 4).

Вдобавок, в Российской империи рассчитывали на пример солдат Сербской дивизии, чтобы привлечь в состав добровольцев новых людей из числа военнопленных. Ведь формировались уже чешские полки и польские легионы. По крайней мере, такой подход объясняет, почему в числе войск, отправляемых в Румынию, оказалась именно Сербская добровольческая дивизия – это был акт не столько военный, сколько политический. Внутри страны первоначально удивлялись этому формированию. Пример – письмо С. Кирсанова из Москвы от 12 мая 1916 г.: «Представь себе, в Одессе сформирован корпус из военнопленных славян-добровольцев, который собираются отправлять на Кавказский фронт. У них особая форма, офицеры – настоящие австрийские офицеры. Среди них, вероятно, много шпионов и, говорят, уже повесили человек пять» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 19). На самом деле офицерский состав дивизии состоял не из пленных офицеров австро-венгерской армии, а из коренных сербов, прибывавших в Россию через Швецию.

Вооружение Сербской дивизии находилось не на должном уровне, так как оружия не хватало и для русских войск. Поэтому, несмотря на то что император Николай II распорядился вооружить дивизию лучшим оружием, даже стрелковое вооружение состояло из трофейных австрийских винтовок системы Манлихера. Немного позднее, определяя причины неудачи в Добрудже, в меморандуме Совета русско-хорватского общества памяти Крижанича (Москва) от 15 ноября 1916 г. на имя М. В. Алексева, говорилось, что «поход в Добруджу был затеян без надлежащей подготовки и снаряжения. Большинство солдат отряда были одеты в какие-то лохмотья, ружья были старые австрийские, без магазина, с одним только патроном, пулеметы старые, к стрельбе совершенно непригодные. Перевозочные средства и медикаменты почти отсутствовали. Несмотря на это, весь добровольческий отряд выказал в Добрудже чудеса храбрости и многие тысячи полегли там костью» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 549. Л. 107).

Комкор-47 попытался исправить ситуацию своими силами, но ничего не вышло. Так, 13 августа А. М. Зайончковский телеграфировал в штаб Одесского военного округа: «Сербская дивизия, как я узнал сегодня, совсем не имеет обойм. Прошу поспешить с высылкой таковых, так как у нас запасы их большие, и они нам крайне необходимы» (РГВИА. Ф. 2270. Оп. 1. Д. 49. Л. 10). Этот факт подтверждает отчет о бое Сербской дивизии у деревни Кара-Синан 24–25 августа: пехота «вступила в этот бой с патронами без обойм, действовала однозарядным ружьем против неприятеля, вооруженного магазинным ружьем. Пулеметы дивизии имели на 1/3 щиты, остальные без щитов... Пехота снабдилась патронами с обоймами на поле сражения, отнятыми у противника». Или отчет о бое 8 сентября у деревни Кокарджа: «наши солдаты на самом поле сражения разменяли свои поношенные винтовки на болгарские новые, имеющие и настоящий нож [штык]» (РГВИА. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 67. Л. 136, 162).

Опровергая опасения А. М. Зайончковского, сербские добровольцы воевали доблестно, но велики оказались и потери. В боях у Базарджика 24–25 августа – 33 офицера и 1 483 солдата, в бою 5–6 сентября – 87 офицеров и 4 231 солдат, в бою 4–8 сентября у Кокарджи – 85 офицеров и 3 280 солдат. То есть, за три боя к 10 сентября из рядов Сербской дивизии убыло более 9 тыс. чел., а пополнений не было. Словенский доброволец А. Р. Трушнович показывает, что через пять сражений от Сербской дивизии в 16 тыс. штыков осталось только 2 тыс. (5, с. 51).

Невзирая на превосходство противника в артиллерийском огне, сербы, порой отходившие под артиллерийскими ударами врага, чтобы не нести напрасных потерь, немедленно переходили в контратаки, как только к тому представлялась возможность. Так, в

бою у деревни Кокарджа, где погиб командир 2-го сербского полка подполковник Милорад Матич, действия Сербской дивизии, как показывает отчет о бое, «дают один редкий пример: те же войска, отстоявшие свою позицию против ночной атаки превосходной по числу неприятельской пехоты, того же дня не выдержали сильную бомбардировку и отошли, казалось бы, далеко на север. Но крутая дисциплина, храбрость и личное самопожертвование начальствующих лиц – успевают остановить отход – повернуть к неприятелю и снова атаковать его и бросить его в беспорядочное отступление» (РГВИА. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 67. Л. 162). Доблесть сербских солдат подтверждает и комкор-47. В ответ на запрос сербского военного министра о действиях Сербской дивизии в боях 29 сентября А. М. Зайончковский телеграфировал: «Сербская дивизия во всех операциях героически и отлично себя вела, а начальник ее высказался отличным во всех отношениях боевым начальником как по своим военным познаниям и талантам, так и по решимости, энергии и отваги. Я уже давно вошел с представлением о производстве полковника Хаджича в генералы» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 418. Л. 374).

В русско-болгарском противостоянии, к сожалению, достаточно быстро стал проявляться «сербский фактор» – взаимная ожесточенность. Сербы и болгары, конкурирующие на Балканах южнославянские народы, с долгой историей взаимной вражды, вели борьбу на уничтожение – с минимумом пленных. Так как Сербская дивизия действовала бок о бок с русскими, то такая практика перекидывалась и на русские войска в составе 47-го армейского корпуса. В письмах домой русские солдаты жаловались на зверства болгар, убийства ими раненых и пленных, насилие войск неприятеля над мирным румынским населением (1, с. 254). Постепенно ожесточились и русские. Несколько позже, командуя Дунайской армией, развернутой на базе 47-го корпуса, В. В. Сахаров в приказе от 3 ноября угрожал военно-полевым судом тем, кто будет добивать раненых – «с указанием суду судить таких разбойников по всем строгостям закона без всякого сожаления и снисхождения». Пленные болгары утверждали, что «несут большие потери в сражениях с нами, но в большинстве тяжелоранеными или убитыми, предпочитая последнее плену, так как среди них распространено убеждение, что русские раненых добивают, а пленных убивают» (РГВИА. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 2. Л. 116). Это последнее – несомненный отголосок болгаро-сербского взаимного ожесточения, ведь лишь вступление Болгарии в войну позволило врагу разгромить Сербию и оккупировать ее в конце 1915 г.

Согласно законам войны, воевавшие в Сербской дивизии военнопленные сербы-добровольцы рассматривались австрийцами как дезертиры, почему их не следовало брать в плен. Такой подход не имел значения при условии успешных действий, ибо в наступлении

порыв сербов был выше всяких похвал, но становился невыносимым в случае поражений. Поэтому, те сербские солдаты, что сознавали данный поворот, дрались не хуже, а то и лучше русских, но при неудаче из боеспособность падала. Так, в боях 6–12 октября оборонительная Копадинская позиция была прорвана неприятелем, и русско-румынские войска покатались на север, к Констанце. При отступлении отчетливо выявился главный негатив Сербской дивизии – вступившие в неприятельскую армию военнопленные подлежали расстрелу, почему возможный плен фактически приравнивался к гибели. Поэтому обескровленные сербские подразделения не могли стать существенной силой при отходе (как-то было при атаках в сентябре). Командир Сербского добровольческого корпуса сообщал в отчете в Ставку, что «с момента начала отступления, при тесном соприкосновении с неприятелем, 1-я Сербская Добровольческая дивизия сделалась неспособной для борьбы». Причина тому – боязнь попадания в плен и последующего расстрела как дезертира и изменника (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 69).

В этот время не получавшая пополнений Сербская дивизия была уже окончательно обескровлена. Телеграмма Зайончковского в Ставку от 16 октября сообщила, что Сербская дивизия, в которой осталось всего 800 штыков, выведена в армейский резерв (РГВИА. Ф. 2003, Оп. 1. Д. 108. л. 4–4об.). С 25 августа по 16 октября сербы потеряли убитыми и ранеными 231 офицера и 8 996 солдат (2, с. 141). В телеграмме в Ставку от 19 октября сменивший А. М. Зайончковского В. В. Сахаров докладывал: «Сербская дивизия уже отказывалась идти в бой и теперь просится на отдых и пополнение, почему боеспособной считаться не может» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 26). Алексеев приказал вывести Сербскую дивизию за Дунай в тыл, дабы она «не пришла к полному истощению и не растеряла бы драгоценные кадры» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 419. Л. 177).

С осени 1916 г. в тылу началось формирование Сербского корпуса, для чего привлекались военнопленные югославы – только с 1 октября по 20 ноября 1916 г. для отбора прислали 146 990 югославян (3, с. 460), а остатки 1-й Сербской дивизии послужили костяком этого формирования. Но теперь корпус должен был быть оснащен как следует. По распоряжению Ставки, «ввиду особой задачи, которую предполагается возложить на формируемый Сербский корпус, представляется необходимым обеспечить последний своей, сербской же, артиллерией». По мнению Главного Артиллерийского Управления, сербам можно было бы передать, вторые дивизионы 1-й, 3-й и 5-й артиллерийских стрелковых бригад и сформировать легкий мортирный дивизион (РГВИА. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 106. Л. 101–102). Весной 1917 г. в составе сербского корпуса насчитывалось 37 259 чел. и 8400 лошадей.

В годы Первой мировой войны, как только стало ясно, что конфликт затягивается на

неопределенный срок, в противостоящих друг другу государствах предпринимались попытки склонить на свою сторону часть неприятельских подданных, волей военной судьбы оказавшихся в плену. Для Российской империи эта задача облегчалась тем фактом, что в состав Австро-Венгерской монархии входили многочисленные славянские народы, в той или иной степени ущемлявшиеся в правах в сравнении с привилегированными народностями – австрийцами и венграми. В 1916 г. в России стали формироваться воинские контингенты из сербов (Сербская добровольческая дивизия) и чехословаков (чешские и словацкие легионы). Если чехословаки, вступая в воинские контингенты под эгидой Антанты, стремились к обретению независимого государства, то сербы – к помощи своей исторической родине, что они и пытались сделать на Восточном фронте, в том числе и в добруджанских сражениях кампании 1916 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Армейский вестник. 1916. № 323.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
3. Красный архив. М., 1933. Т. 3 (58).
4. Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 года. Сборник документов империалистической войны. М., 1940. С. 63
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. – 736 с.
2. *Вишняков Я.В.* Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг. // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории. М., 2015. – с. 136–156.
3. *Вишняков Я. В.* Армия без государства: Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг. // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XVIII. М., 2016. – с. 443–487.
4. *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // «STUDIA BALKANICA» (к юбилею Р. П. Гришиной). М., 2010. – с. 139–185.
5. *Трушинович А.Р.* Воспоминания корниловца: 1914–1934. М.–Франкфурт, 2004. – 334 с.

6. Torrey G.E. Indifference and Mistrust: Russian-Romanian Collaboration in the Campaign of 1916 // *The Journal of Military History*. 1993. Vol. 57. № 2.

REFERENCES (transliteration from Russian to English))

1. Astashov A.B. *Russkij front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyj opyt i sovremennost'*. M., 2014. – 736 s.
2. Vishnyakov Ya.V. *Armiya bez gosudarstva. Serbskij dobrovol'cheskij korpus v Rossii 1916–1917 gg. // Pervaya mirovaya vojna i sud'by narodov Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy: ocherki istorii*. M., 2015. – s. 136–156.
3. Vishnyakov Ya. V. *Armiya bez gosudarstva: Serbskij dobrovol'cheskij korpus v Rossii 1916–1917 gg. // Russkij Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii*. T. XVIII. M., 2016. – s. 443–487.
4. Kashirin V.B. *Pohod v Dobrudzhanskuyu step': evolyuciya zamysla, planirovanie i podgotovka ekspedicii russkih vojsk za Dunaj v 1916 godu // «STUDIA BALKANICA» (k yubileyu R. P. Grishinoy)*. M., 2010. – s. 139–185.
5. Trushnovich A.R. *Vospominaniya kornilovca: 1914–1934*. M.–Frankfurt, 2004. – 334 s.

Рецензент: Чугунова Наталия Васильевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры «История государства и права» ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».